

Царевна-лягушка

Вариант сказки

В стары годы, в старопрежни, у одного царя было три сына - все они на возрасте. Царь и говорит: "Дети! Сделайте себе по самострелу и стреляйте: кака женщина принесет стрелу, та и невеста; ежели никто не принесет, тому, значит, не жениться". Большой сын стрелил, принесла стрелу княжеска дочь; средний стрелил, стрелу принесла генеральска дочь; а малому Ивану-царевичу принесла стрелу из болота лягуша в зубах. Те братья были веселы и радостны, а Иван-царевич призадумался, заплакал: "Как я стану жить с лягушей? Век жить - не реку перебрести или не поле перейти!" Поплакал-поплакал, да нечего делать - взял в жены лягушу. Их всех обвенчали по ихнему там обряду; лягушу держали на блюде.

Вот живут они. Царь захотел одиножды посмотреть от невесток дары, котора из них лучше мастерица. Отдал приказ. Иван-царевич опять призадумался, плачет: "Чего у меня сделат лягуша! Все станут смеяться". Лягуша ползат по полу, только квакат. Как уснул Иван-царевич, она вышла на улицу, сбросила кожух, сделалась красной девицей и крикнула: "Няньки-маньки! Сделайте то-то!" Няньки-маньки тотчас принесли рубашку самой лучшей работы. Она взяла ее, свернула и положила возле Ивана-царевича, а сама обернулась опять лягушей, будто ни в чем не бывала! Иван-царевич проснулся, обрадовался, взял рубашку и понес к царю. Царь принял ее, посмотрел: "Ну, вот это рубашка - во Христов день надевать!" Средний брат принес рубашку; царь сказал: "Только в баню в ней ходить!" А у большого брата взял рубашку и сказал: "В черной избе ее носить!" Разошлись царски дети; двое-то и судят между собой: "Нет, видно мы напрасно смеялись над женой Ивана-царевича, она не лягуша, а кака-нибудь хитра [чародейка]!"

Царь дает опять приказанье, чтоб снохи состряпали хлеба и принесли ему напоказ, котора лучше стряпат? Те невестки сперва смеялись над лягушей; а теперь, как пришло время, они и послали горнишну подсматривать, как она станет стряпать. Лягуша смекнула это, взяла, замесила квашню, скатала, печь сверху выдолбила, да прямо туда квашню и опрокинула. Горнишна увидела, побежала, сказала своим барыням, царским невесткам, и те так же сделали. А лягуша хитрая только их провела, тотчас тесто из печи выгребла, все очистила, замазала, будто ни в чем не бывала, а сама вышла на крыльцо, вывернулась из кожуха и крикнула: "Няньки-маньки! Состряпайте сейчас же мне хлебов таких, каки мой батюшка по воскресеньям да по праздникам только ел". Няньки-маньки тотчас притащили хлеба. Она взяла его, положила возле Ивана-царевича, а сама сделалась лягушей. Иван-царевич проснулся, взял хлеб и понес к отцу. Отец в то время принимал хлеба от больших братовей; их жены как попускали в печь хлеба так же, как лягуша, - у них и вышло кули-мули. Царь наперво принял хлеб от большого сына, посмотрел и отослал на кухню; от среднего принял, туда же послал. Дошла очередь до Ивана-царевича; он подал свой хлеб. Отец принял, посмотрел и говорит: "Вот это хлеб - во Христов день есть! Не такой, как у больших снох, с закалой!"

После того вздумалось царю сделать бал, посмотреть своих сношек, котора лучше пляшет? Собрались все гости и снохи, кроме Ивана-царевича; он задумался: "куда я с лягушей поеду?" И заплакал навзрыд наш Иван-царевич. Лягуша и говорит ему: "Не плачь, Иван-царевич! Ступай на бал. Я через час буду". Иван-царевич немного обрадовался, как услышал, что лягуша бает; уехал, а лягуша пошла, сбросила с себя кожух, оделась чудо как! Приезжает на бал; Иван-царевич обрадовался, и все руками схлопали: кака красавица! Начали закусывать; царевна огложет коску, да и в рукав, выпьет чего остатки в другой рукав. Те снохи видят, чего она делат, и они тоже кости кладут к себе в рукава, пьют чего - остатки льют в рукава. Дошла очередь танцевать; царь посылает больших снох, а они ссылаются на лягушу. Та тотчас подхватила Ивана-царевича и пошла; уж она плясала-плясала, вертелась-вертелась - всем на диво! Махнула правой рукой - стали леса и воды, махнула левой - стали летать разные птицы. Все изумились. Отплясала - ничего не стало. Други снохи пошли плясать, так же хотели: котора правой рукой ни махнет, у той кости-та и полетят, да в людей, из левого рукава вода разбрызжет - тоже в людей. Царю не понравилось, закричал: "Будет, будет!" Снохи перестали.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Бал был на отходе. Иван-царевич поехал наперед, нашел там где-то женин кожух, взял его да и сжег. Та приезжат, хватилась кожуха: нет! - сожжен. Легла спать с Иваном-царевичем; перед утром и говорит ему: "Ну, Иван-царевич, немного ты не потерпел; твоя бы я была, а теперь бог знат. Прощай! Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве". И не стало царевны.

Вот год прошел, Иван-царевич тоскует о жене; на другой год собрался, выпросил у отца, у матери благословенье и пошел. Идет долго уж, вдруг попадаться ему избушка - к лесу передом, к нему задом. Он и говорит: "Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила, - к лесу задом, а ко мне передом". Избушка перевернулась. Вошел в избу; сидит старуха и говорит: "Фу, фу! Русской коски слыхом было не слыхать, видом не видать, нынче русска коска сама на двор пришла! Куда ты, Иван-царевич, пошел?" - "Прежде, старуха, напой-накорми, потом вести расспроси". Старуха напоила-накормила и спать положила. Иван-царевич говорит ей: "Баушка! Вот я пошел доставать Елену Прекрасну". - "Ой, дитятко, как ты долго (не бывал)! Она с первых-то годов часто тебя поминала, а теперь уж не помнит, да и у меня давно не бывала. Ступай вперед к средней сестре, та больше знат".

Иван-царевич поутру отправился, дошел до избушки и говорит: "Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила, - к лесу задом, а ко мне передом". Избушка перевернулась. Он вошел в нее, видит - сидит старуха и говорит: "Фу, фу! Русской коски слыхом было не слыхать и видом не видать, а нынче русска коска сама на двор пришла! Куда, Иван-царевич, пошел?" - "Да вот, баушка, доставать Елену Прекрасну". - "Ой, Иван-царевич, - сказала старуха, - как ты долго! Она уж стала забывать тебя, выходит взамуж за другого: скоро свадьба! Живет теперь у большой сестры, ступай туда да смотри ты: как станешь подходить - у нее узнают, Елена обернется веретешком, а платье на ней будет золотом. Моя сестра золото станет вить; как совет веретешко, и положит в ящик, и ящик запрет, ты найди ключ, отвори ящик, веретешко переломи, кончик брось назад, а корешок перед себя: она и очутится перед тобой".

Пошел Иван-царевич, дошел до этой старухи, зашел в избу; та вьет золото, свила его веретешко и положила в ящик, заперла и ключ куда-то положила. Он взял ключ, отворил ящик, вынул веретешко и переломил по сказанному, как по писаному, кончик бросил за себя, а корешок перед себя. Вдруг и очутилась Елена Прекрасна, начала здороваться: "Ой, да как ты долго, Иван-царевич? Я чуть за другого не ушла". А тому жениху надо скоро быть. Елена Прекрасна взяла ковер-самолет у старухи, села на него, и понеслись, как птица полетели. Жених-от за ними вдруг и приехал, узнал, что они уехали; был тоже хитрый! Он ступай-ка за ними в погоню, гнал, гнал, только сажон десять не догнал: они на ковре влетели в Русь, а ему нельзя как-то в Русь-то, воротился; а те прилетели домой, все обрадовались, стали жить да быть да животы наживать - на славу всем людям.

Вариант сказки

У одного царя было три сына. Он оделил их по стрелке и велел стрелять: кто куда стрельнет, тому там и невесту брать. Вот старший стрельнул, и его стрелка упала к генералу на двор, и подняла ее генералова дочь. Он пошел и стал просить у ней: "Девица, девица! Отдай мою стрелку". Она говорит ему: "Возьми меня замуж!" Другой стрельнул, его стрелка упала к купцу на двор, и подняла ее купцова дочь. Он пошел просить: "Девица, девица! Отдай мою стрелку". Она говорит: "Возьми меня за себя замуж!" Третий стрельнул, и стрелка его упала в болото, и взяла ее лягушка. Он пошел просить: "Лягушка, лягушка! Отдай мою стрелку!" Она говорит: "Возьми меня замуж!"

Вот они пришли к отцу и сказали, кто куда попал, а меньшей сказал, что стрелка его попала к лягушке в болото. "Ну, - говорит отец, - знать твоя судьба такая". Вот он женил их и сделал пир. На пиру молодые снохи¹ стали плясать; старшая плясала, плясала, махнула рукой - свекра ушибла; другая плясала, плясала, махнула рукой - свекровь ушибла; третья, лягушка, стала плясать, махнула рукой - явились луга и сады; так все и ахнули!

Вот стали они ложиться спать. Лягушка скинула свою лягушечью кожуринку и стала человеком. Муж ее взял эту кожуринку и бросил в печь. Кожуринка закурилась. Лягушка учуяла, схватила ее, осерчала на мужа, Ивана-царевича, и говорит: "Ну, Иван-царевич, ищи ж меня в седьмом царстве. Железные сапоги износи и три железных просвиры сгложи!" Спорхнула и улетела.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Вот, делать нечего, пошел искать, взял железные сапоги и три железных просвиры. Шел, шел, сапоги железные износил и три просвиры железных сглодал и опять захотел есть. Встречается щука. Он говорит ей: "Я есть хочу, я тебя съем!" - "Нет, не ешь меня, я тебе сгожусь". Пошел дальше; встречается медведь. Иван-царевич говорит ему: "Я есть хочу, я тебя съем!" - "Нет, не ешь меня, я тебе сгожусь". Иван-царевич пошел опять голодный; летит соколиха. Он говорит ей: "Я тебя съем!" - "Нет, не ешь меня; я тебе сгожусь". Опять так пошел; ползет рак. Иван-царевич говорит: "Я тебя съем!" - "Нет, не ешь меня; я тебе сгожусь".

Иван-царевич опять пошел. Стоит избушка; он взошел в нее. Там сидит старушка и спрашивает его: "Что, Иван-царевич, дело пытаешь или от дела лытаешь?" Иван-царевич говорит: "Ищу лягушку, жену свою". Старушка говорит: "Ой, Иван-царевич, она тебя хочет извести; я ее мать. Поди же ты, Иван-царевич, за море; там лежит камень, в этом камне сидит утка, в этой утке яичко; возьми это яичко и принеси ко мне". Вот он пошел за море; пришел к морю и говорит: "Где моя щука? Она б мне рыбий мост настелила". Откуда ни возьмись щука, настелила рыбий мост. Он по нем пришел к камню, бил, бил - не расшиб и говорит: "Где мой медведь? Он бы мне расколол его". Явился медведь и ну колоть - расколол. Утка выскочила оттуда и улетела. Иван-царевич говорит: "Где моя соколиха? Она б мне утку поймала и принесла". Смотрит, а соколиха тащит ему утку. Он взял, разрезал ее, вынул яичко, стал мыть его и уронил в воду. "Где мой рак? - говорит Иван-царевич, - он бы достал мне яичко!" Смотрит, а рак несет ему яичко, и пошел к старушке в избушку, отдал ей яичко. Она замесила и испекла из него пышечку; а Ивана-царевича посадила в коник и приказала: "Вот скоро твоя лягушка прилетит, а ты молчи и вставай, когда я велю". Вот он сел в коник. Прилетела лягушка, железным пихтелем стучит и говорит: "Фу! Русским духом пахнет; каб Иван-царевич попался, я б его разорвала!" Мать-старушка говорит ей: "Ну, это ты по Руси летала, русского духу нахваталась. На вот, закуси этой пышечки". Она съела эту пышечку - остались одни крошечки - и говорит: "Где мой Иван-царевич? Я по нем соскучилась. Я б с ним вот этой крошечкой поделилась". Мать велела выйти Ивану-царевичу; он вышел. Лягушка подхватила его под крылышко и улетела с ним в седьмое царство жить.

Вариант сказки

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь с царицею; у него было три сына все молодые, холостые, удалыцы такие, что ни в сказке сказать, ни пером написать; младшего звали Иван-царевич. Говорит им царь таково слово: "Дети мои милые, возьмите себе по стрелке, натяните тугие луки и пустите в разные стороны; на чей двор стрела упадет, там и сватайтесь". Пустил стрелу старший брат - упала она на боярский двор, прямо против девичья терема; пустил средний брат - полетела стрела к купцу на двор и остановилась у красного крыльца, а на том крыльце стояла душа-девица, дочь купеческая; пустил младший брат - попала стрела в грязное болото, и подхватила ее лягуша-квакуша. Говорит Иван-царевич: "Как мне за себя квакушу взять? Квакуша не ровня мне!" - "Бери! - отвечает ему царь. - Знать, судьба твоя такова".

Вот поженились царевичи: старший на боярышне, средний на купеческой дочери, а Иван-царевич на лягуше-квакуше. Призывает их царь и приказывает: "Чтобы жены ваши испекли мне к завтраму по мягкому белому хлебу". Воротился Иван-царевич в свои палаты невесел, ниже плеч буйну голову повесил. "Ква-ква, Иван-царевич! Почто так кручинен стал? - спрашивает его лягуша. - Аль услышал от отца своего слово неприятное?" - "Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал тебе к завтраму изготовить мягкий белый хлеб". - "Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать; утро вечера мудренее!" Уложила царевича спать да сбросила с себя лягушечью кожу - и обернулась душой-девицей, Василисой Премудрою; вышла на красное крыльцо и закричала громким голосом: "Мамки-няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь, приготовьте мягкий белый хлеб, каков ела я, кушала у родного моего батюшки".

Наутро проснулся Иван-царевич, у квакуши хлеб давно готов - и такой славный, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Изукрашен хлеб разными хитростями, по бокам видны города царские и с заставами. Благодарствовал царь на том хлебе Ивану-царевичу и тут же отдал приказ трем своим сыновьям: "Чтобы жены ваши соткали мне за единую ночь по ковру". Воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил. "Ква-ква, Иван-царевич! Почто так кручинен

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
стал? Аль услышал от отца своего слово жесткое, неприятное?" - "Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал за единую ночь соткать ему шелковый ковер". - "Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать; утро вечера мудренее!" Уложила его спать, а сама сбросила лягушечью кожу - и обернулась душой-девицей, Василисою Премудрою; вышла на красное крыльцо и закричала громким голосом: "Мамки-няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь шелковый ковер ткать - чтоб таков был, на каком я сиживала у родного моего батюшки!"

Как сказано, так и сделано. Наутро проснулся Иван-царевич, у квакуши ковер давно готов - и такой чудный, что ни вздумать, ни взгадать, разве в сказке сказать. Изукрашен ковер златом-серебром, хитрыми узорами. Благодарствовал царь на том ковре Ивану-царевичу и тут же отдал новый приказ, чтобы все три царевича явились к нему на смотр вместе с женами. Опять воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил. "Ква-ква, Иван-царевич! Почто кручинишься? Али от отца услышал слово не приветливое?" - "Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка велел, чтобы я с тобой на смотр приходил; как я тебя в люди покажу!" - "Не тужи, царевич! Ступай один к царю в гости, а я вслед за тобой буду, как услышишь стук да гром - скажи: это моя лягушонка в коробчонке едет".

Вот старшие братья явились на смотр с своими женами, разодетыми, разубранными; стоят да с Ивана-царевича смеются: "Что ж ты, брат, без жены пришел? Хоть бы в платочке принес! И где ты этакую красавицу выискал? Чай, все болота исходил?" Вдруг поднялся великий стук да гром - весь дворец затрясся; гости крепко напугались, повскакивали с своих мест и не знают, что им делать; а Иван-царевич говорит: "Не бойтесь, господа! Это моя лягушонка в коробчонке приехала". Подлетела к царскому крыльцу золоченая коляска, в шесть лошадей запряжена, и вышла оттуда Василиса Премудрая - такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Взяла Ивана-царевича за руку и повела за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть-пить, веселиться; Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила; закусила лебедем да косточки за правый рукав спрятала. Жены старших царевичей увидали ее хитрости, давай и себе то ж делать. После, как пошла Василиса Премудрая танцевать с Иваном-царевичем, махнула левой рукой - сделалось озеро, махнула правой - и поплыли по воде белые лебеди; царь и гости диву дались. А старшие невестки пошли танцевать, махнули левыми руками - гостей забрызгали, махнули правыми - кость царю прямо в глаз попала! Царь рассердился и прогнал их нечестно.

Тем временем Иван-царевич улучил минуточку, побежал домой, нашел лягушечью кожу и спалил ее на большом огне. Приезжает Василиса Премудрая, хватилась - нет лягушечьей кожи, приуныла, запечалилась и говорит царевичу: "Ох, Иван-царевич! Что же ты наделал? Если б немножко ты подождал, я бы вечно была твоею; а теперь прощай! Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве - у Кощея Бессмертного". Обернулась белой лебедью и улетела в окно.

Иван-царевич горько заплакал, помолился богу на все на четыре стороны и пошел куда глаза глядят. Шел он близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли - попадаетеся ему навстречу старый старичок: "Здравствуй, - говорит, - добрый молодец! Чего ищешь, куда путь держишь?" Царевич рассказал ему свое несчастье. "Эх, Иван-царевич! Зачем ты лягушью кожу спалил? Не ты ее надел, не тебе и снимать было! Василиса Премудрая хитрей, мудреней своего отца уродилась; он за то осерчал на нее и велел ей три года квакушею быть. Вот тебе клубок; куда он покатится - ступай за ним смело".

Иван-царевич поблагодарствовал старику и пошел за клубочком. Идет чистым полем, попадаетеся ему медведь. "Дай, - говорит, - убью зверя!" А медведь провещал ему: "Не бей меня, Иван-царевич! Когда-нибудь пригожусь тебе". Идет он дальше, глядь, - а над ним летит селезень; царевич прицелился из ружья, хотел было застрелить птицу, как вдруг провещала она человеческим голосом: "Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе сама пригожусь". Он пожалел и пошел дальше. Бежит косой заяц; царевич опять за ружье, стал целиться, а заяц провещал ему человеческим голосом: "Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе сам пригожусь". Иван-царевич пожалел и пошел дальше - к синему морю, видит - на песке лежит, издыхает щука-рыба. "Ах, Иван-царевич, - провещала щука, - сжался надо мною, пусти меня в море". Он бросил ее в море и пошел берегом.

Долго ли; коротко ли - прикатился клубочек к избушке; стоит избушка на куриных лапках, кругом

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей повертывается. Говорит Иван-царевич: "Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила, - ко мне передом, а к морю задом". Избушка повернулась к морю задом, к нему передом. Царевич вошел в нее и видит: на печи, на девятом кирпичи, лежит баба-яга костяная нога, нос в потолок врос, сопли через порог висят, титьки на крюку замотаны, сама зубы точит. "Гой еси, добрый молодец! Зачем ко мне пожаловал?" - спрашивает баба-яга Ивана-царевича. "Ах ты, старая хрычовка! Ты бы прежде меня, доброго молодца, накормила-напоила, в бане выпарила, да тогда б и спрашивала".

Баба-яга накормила его, напоила, в бане выпарила; а царевич рассказал ей, что ищет свою жену Василису Премудрую. "А, знаю! - сказала баба-яга. - Она теперь у Кощея Бессмертного; трудно ее достать, нелегко с Кошеем сладить: смерть его на конце иглы, та игла в яйце, то яйцо в утке, та утка в зайце, тот заяц в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и то дерево Кощей как свой глаз бережет".

Указала яга, в каком месте растет этот дуб; Иван-царевич пришел туда и не знает, что ему делать, как сундук достать? Вдруг откуда не взялся - прибежал медведь и выворотил дерево с корнем; сундук упал и разбился вдребезги, выбежал из сундука заяц и во всю прыть наутек пустился; глядь - а за ним уж другой заяц гонится, нагнал, ухватил и в клочки разорвал. Вылетела из зайца утка и поднялась высоко, высоко; летит, а за ней селезень бросился, как ударит ее - утка тотчас яйцо выронила, и упало то яйцо в море. Иван-царевич, видя беду неминуемую, залился слезами; вдруг подплывает к берегу щука и держит в зубах яйцо; он взял то яйцо, разбил, достал иглу и отломил кончик: сколько ни бился Кощей, сколько ни метался во все стороны, а пришлось ему помереть! Иван-царевич пошел в дом Кощея, взял Василису Премудрую и воротился домой. После того они жили вместе и долго и счастливо.